



К 150-летию со дня гибели Пушкина

Я. Л. ЛЕВКОВИЧ

В. А. ЖУКОВСКИЙ И ПОСЛЕДНЯЯ ДУЭЛЬ ПУШКИНА

Вульгарно-социологическое литературоведение создало Жуковскому репутацию царедворца, который хотя и был человеком добрым, но в силу своей социальной сущности не понимал, не мог и не старался понять Пушкина. П. Е. Щеголев называл его человеком, «склонным затирать в потоке идеализации шероховатости жизни»;¹ для И. Боричевского он прежде всего «благонамеренный воспитатель наследника»,² для П. С. Попова³ — «придворная лиса».

Репутация человека, который вмешивался в дела Пушкина, насилует его волю и постоянно удерживал при дворе, оказалась устойчивой и в несколько сглаженной форме дожила до наших дней. В комментарии к «Переписке» Пушкина читаем: «Буквально „спеленутый“ волей Жуковского, с громадным напряжением, ломая себя, Пушкин идет на примирение с правительством».⁴ Приведенные слова относятся к хорошо известному эпизоду с отставкой Пушкина, когда в ответ на просьбу поэта об отставке царь ответил, что отставку он получить может, но при этом вход в архивы будет для него закрыт.

Без работы в архивах не могли состояться исторические занятия Пушкина. Кроме того, в ответе царя чувствовалась угроза новой опалы. В это время Жуковский буквально мечется между двором и поэтом, всячески сглаживая конфликт.⁵ Когда хлопоты его увенчались успехом и конфликт был уже позади, сам Пушкин, заключая этот эпизод своей жизни, писал жене: «На днях я чуть было не сделал: с тем (т. е. с Николаем I. — Я. Л.) чуть было не побранился — и тухнул-то я, да и грустно стало. С этим поссорюсь — другого не найду. А долго на него сердиться не умею; хоть и он не прав» (XV, 178).

В той же «Переписке» о преддуэльных месяцах сказано: «Письма Жуковского поражают чрезмерно менторским тоном, порой граничащим с бестактностью, и полным непониманием сути происходящего. Это не могло не оттолкнуть Пушкина, и последний акт трагедии разыгрался уже без участия Жуковского».⁶

Не будем вдаваться в перипетии дуэльных событий, напомним только, что из «последнего акта трагедии» Пушкин исключил не только Жуковского, но и других своих друзей, боясь, что они могут помешать дуэли. По той же причине он выбрал в секунданты Данзаса. Выбор Данзаса

¹ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. М.; Л., 1928. С. 236.

² Боричевский И. Заметки Жуковского о гибели Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Л., 1937. Т. 3. С. 85.

³ Летописи Гос. Литературного музея. М., 1939. Т. V. Архив опеки Пушкина. С. 344.

⁴ Переписка Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 85.

⁵ См.: Иезуитова Р. В. Пушкин и «Дневник» Жуковского 1834 г. // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII. С. 227—229, 240—241. Ср. наш комментарий в кн.: Пушкин. Письма последних лет. Л., 1969. С. 204—207.

⁶ Переписка Пушкина. Т. 1. С. 85.

в качестве секунданта подтверждает решимость Пушкина драться во что бы то ни стало: Данзас не принадлежал к его кругу и меньше, чем кто-либо другой, мог сделать для предотвращения дуэли. Пушкин если и «оттолкнул» Жуковского, то только потому, что его активность могла сделать дуэль невозможной.⁷

К Жуковскому восходят важнейшие документы о гибели Пушкина. Здесь следует различать заметки, сделанные для себя, для распространения в публике и для правительства. Для себя — это его дневниковые записи, или «конспективные заметки», как их называют. Для публики — письмо к С. Л. Пушкину, написанное 15 февраля 1837 г., для правительства — письмо к Бенкендорфу, написанное после 25 февраля (когда был закончен так называемый «посмертный обыск» на квартире поэта).⁸

Конспективные заметки, которые Жуковский делал для себя, фиксируют события с 4 ноября, дня получения анонимного пасквиля, и включают действия Жуковского уже после смерти поэта. Они чрезвычайно кратки, делались для памяти — Жуковский не рассказывает о событиях, а записывает ключевые слова или фразы, за которыми скрывались значительные и не всегда абсолютно понятные нам эпизоды.⁹ Точность и хронологическая последовательность его записей позволили первому историку дуэли — Щеголеву положить их в основу своего изложения дуэльных событий.

О том, насколько важны эти записи и насколько они точны, свидетельствует следующий факт. Во всех известных мемуарах современников определенно говорится, что в день дуэли у Пушкина еще не было секунданта и что, выйдя на улицу, он будто бы случайно встретил Данзаса, посадил его к себе в сани, повез во французское посольство к секунданту Дантеса д'Аршиаку, и что будто бы только там Данзас узнал, куда и зачем Пушкин его привез. Таковы свидетельства современников. А вот что читаем о Пушкине в день дуэли в заметках Жуковского: «Встал весело в 8 часов. После чаю много писал — часу до 11-го. В 11 обед. Ходил по комнате необыкновенно весело, пел песни. Потом увидел в окно Данзаса, в дверях встретил радостно. Взошли в кабинет, запер дверь. Через несколько минут послал за пистолетами. По отъезде Данзаса начал одеваться. . .».¹⁰

Версия о случайной встрече с Данзасом — несомненно результат сговора близких Пушкину людей. По закону секунданты «при зачатии драк должны были примирить ссорящихся, и ежели того не могут учинить, то немедленно по караулам послать и о таком деле объявить».¹¹ Версия, которая была зафиксирована в военно-судном деле, потом проходит через все мемуары, и только в записках, которые Жуковский писал для себя, находим достоверно изложенный факт.

Присмотримся ко второму документу — письму к С. Л. Пушкину, которое распространялось в списках и было напечатано в посмертном томе «Современника».¹² Письмо к отцу поэта было первым известием об обстоятельствах смерти Пушкина в печати. Оно содержит остро схваченные и мастерски нарисованные подробности последних дней и часов Пушкина. Кроме своих наблюдений Жуковский использовал для этого

⁷ О том, как с помощью Жуковского был улажен ноябрьский конфликт, см.: *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. С. 73—102; *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1836 году. Предыстория последней дуэли. Л., 1984. С. 88—165.

⁸ См.: *Цяловский М. А.* «Посмертный обыск» у Пушкина // *Цяловский М. А.* Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 276—358.

⁹ Публикацию всех заметок см.: *Боричевский И.* Заметки Жуковского о гибели Пушкина. С исправлениями опубликованы в статье: *Левкович Я. Л.* Заметки Жуковского о гибели Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии.* 1972. Л., 1974. С. 77—83.

¹⁰ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 340. Сам Жуковский в письме к С. Л. Пушкину пишет о «случайной» встрече с Данзасом (Там же. С. 343).

¹¹ Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. СПб., 1899. М. 79.

¹² *Жуковский В.* Последние минуты Пушкина // *Современник.* 1837. Т. 5. С. II—XVIII.

письма записки врачей И. Т. Спасского и В. Б. Шольца,¹³ а также свидетельства друзей поэта, составляя, как писал П. А. Вяземский А. Я. Булгакову 6 февраля 1837 г., «общую реляцию из очных наших ставок».¹⁴ Однако именно это письмо создало Жуковскому репутацию человека, который не только не понимал живого Пушкина, но и фальсифицировал его облик после смерти.

Письмо к С. Л. Пушкину известно в двух редакциях — одна написана 15 февраля и тогда же отправлена московскому почт-директору А. Я. Булгакову с просьбой передать ее отцу поэта. Это подтверждается следующей запиской Жуковского: «Вот тебе, мой милый Александр, письмо, которое передай от меня Сергею Львовичу. Можешь его после вытребовать и прочитать в нем подробное описание последних минут Пушкина».¹⁵ Другая редакция напечатана в «Современнике».

Подлинник, который был отправлен отцу поэта, до нас не дошел. В архиве Жуковского осталось два списка письма — черновой с исправлениями и перебеленный. Оба текста значительно отличаются от печатной редакции. Перерабатывая написанное сразу, по горячим следам, мемуарное письмо в статью для журнала, Жуковский сокращал его и вносил исправления. Печатный текст следует рассматривать как литературную обработку мемуарного документа.

Критический анализ текста письма, основанный на сличении известных автографов и печатного текста, произвел Щеголев в своей книге «Дуэль и смерть Пушкина». Книга Щеголева — фундаментальное исследование, без ссылки на которое не обходится ни одна работа о последней дуэли Пушкина. Третьим изданием (со значительными дополнениями) она вышла в 1928 г. и несет на себе отпечаток социологических концепций своего времени. Прежде всего это касается интерпретации письма Жуковского к отцу поэта. Щеголев был первым исследователем, обвинившим Жуковского в намеренной фальсификации событий.

Признавая, что как мемуарное письмо, так и статья в «Современнике» являются первоисточником для биографии Пушкина, он видел в них больше — стремление Жуковского внушить читателю определенное представление о внутренней жизни Пушкина, его мирозерцании не только в предсмертные дни, но и в последние годы его жизни. Обращаясь к описанию Жуковского, он считал необходимым в первую очередь его «разоблачать». «Совершенно особенное значение, — пишет он, — приобретают те разоблачения, которые приносят критика письма Жуковского как исторического источника».¹⁶

Щеголев пытается быть объективным. Прежде чем приступить к «разоблачениям», он отмечает вымарки, которые были сделаны в печатном варианте письма по цензурным условиям.

«Нетрудно, — пишет он, — сразу же определить мотивы, по которым были совершены Жуковским исклечения для „Современника“. Очевидно, в печати Жуковский не мог и не должен был упоминать о том, что болезнь Пушкина была результатом дуэли, о том, как держал себя в этих обстоятельствах император Николай Павлович, и о том, какое отношение проявили в этом случае иностранные дипломаты, как барон Барант и барон Люцероде. Особенно странным является первый мотив умолчания, но, действительно, если статью Жуковского прочтет человек, не слыхавший, что Пушкин дрался на дуэли и был ранен, он никогда не узнает и не поймет, отчего же помер Пушкин и зачем ему нужно было прощение государя».¹⁷ Указав причины («очевидно, в печати Жуковский не мог и не дол-

¹³ Записку И. Т. Спасского см.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 335—338. Записку В. Б. Шольца см.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 199—200.

¹⁴ Русский архив. 1879. Кн. 2. С. 247.

¹⁵ ИРЛИ, ф. 244, оп. 18, № 24. Щеголев ошибочно адресует эту записку А. И. Тургеневу.

¹⁶ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 173.

¹⁷ Там же. С. 163.

жен был о них упоминать»), Щеголев не видит их неизбежных следствий в печатном тексте.

«Первый мотив умолчания» — дуэль — никак не может быть назван «странным». Дуэли в России были запрещены еще указом Петра I и упоминать в печати о дуэли поэта, конечно, было нельзя. Из печатного текста Жуковский изъясил все подробности, относящиеся к поединку. В публикации не упоминается само слово «дуэль», как и «рана», и смерть поэта воспринимается как следствие некой таинственной болезни. Запрет пропускать в печать сведения о дуэли неизбежно вел к изменению некоторых эпизодов в изложении событий. С невозможностью, даже намеком, дать читателям понять истинную причину болезни поэта связаны, например, перемены в той части текста, где сообщалось о приезде его после дуэли домой. В мемуарном письме Жуковский рассказывает, как камердинер на руках нес поэта из кареты, как жена встретила его в передней, упала без чувств и, очнувшись, хотела войти в кабинет и как Пушкин закричал «„N'entrez pas“, — ибо опасался показать ей рану, чувствуя сам, что она была опасною».¹⁸ А в «Современнике» сцена в передней исключена и рассказ о первой встрече с женой после поединка выглядит так: «В то время, когда его укладывали, жена, ни о чем не зная, хотела войти; но он громким голосом закричал: „N'entrez pas...“». Он боялся ее испугать. Жена вошла уже тогда, когда он лежал совсем раздетый».¹⁹ Щеголев удивляется: «Остается неясным, по каким причинам Жуковский допустил явное искажение действительного факта», но «факт» — обморок жены поэта при виде, как его вносят на руках в переднюю, в присутствии Данзаса, — требовал либо пояснений, либо вел читателя к догадкам и пересудам, т. е. опять-таки мог быть связан с дуэлью.

Второй мотив «умолчания» — «как держал себя в этих обстоятельствах император Николай Павлович». Действительно, в мемуарном письме о царе говорится много: подробно рассказывается, как Арендт приехал во дворец с известием о Пушкине, где был царь и когда он узнал о положении поэта, как, послав Арендта с запиской к Пушкину, он сказал: «Я не лягу, я буду ждать». Приводится текст записки (приблизительный, так как Жуковский знает ее только в пересказе)²⁰ с советом «умереть по-христиански» и с обещанием позаботиться о семье поэта и, наконец, следует рассказ об исповеди и причащении.

Кроме фактического изложения событий в мемуарном письме в завуалированной и сильно идеализированной форме содержится история отношений царя и поэта. Здесь Жуковский во власти просветительской иллюзии о духовной близости монарха и поэта.²¹ Царь «отворил руки» поэту «в то время, когда он был раздражен несчастьем, им самим на себя навлеченным». Поэт «навлекал на себя неудовольствие своего хранителя, но во всех изъявлениях неудовольствия со стороны государя было что-то отеческое, нежное». «После каждого подобного случая связь между ими усиливалась».²² Последнюю стадию их отношений — в предсмертные дни Пушкина — Жуковский изображает как «трогательный конец земной связи между царем и тем, кого он когда-то отечески присвоил». Со стороны царя здесь проявилось «стремление захватить душу Пушкина на отлете, очистить ее для будущей жизни», со стороны поэта — слова благодарности.

¹⁸ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 345.

¹⁹ Современник. 1837. Т. 5. С. IV.

²⁰ Арендт должен был прочитать записку Пушкину и вернуть ее обратно Николаю I. Поэтому текст записки в воспоминаниях разных лиц приводится с разночтениями. Это дало основание П. Е. Щеголеву и Ю. Г. Оксману обвинить Жуковского в искажении действительных событий и усомниться в существовании записки, адресованной непосредственно поэту (см.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 165—169; Оксман Ю. Г. Апокрифическое письмо императора Николая I к Пушкину // Модзалевский Б. Л., Оксман Ю. Г., Цяловский М. А. Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Пб., 1924. С. 51—73).

²¹ См.: В. Э. Вацуро. Пушкин в сознании современников // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 32—34.

²² А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 342.

Если отбросить патетическое обрамление эпизодов с царем, то видно (из сопоставления с другими источниками), что Жуковский излагает действительный ход событий и мемуарное письмо оправдывает название «общей реляции» свидетелей предсмертных дней Пушкина. В печатном тексте упоминания о царе убраны. Оставлены только слова благодарности, которые просит передать царю Пушкин.

Щеголев высказал предположение, что в печатном тексте Жуковский не мог писать о поведении царя. Это предположение подкрепляется тем, что мы знаем о порядке прохождения любых упоминаний об императоре и императорской фамилии в печати. Все, что касалось царской фамилии (даже самые хвалебные слова), кроме общей цензуры, должно было проходить через Министерство императорского двора. Через десять лет после смерти Пушкина Д. П. Бантыш-Каменский, печатая биографию поэта в «Прибавлении» к своему «Словарю достопамятных людей Русской земли»,²³ ввел в нее эпизод с запиской, посланной умирающему Пушкину Николаем I. Этот эпизод он заимствовал из письма Вяземского к А. Я. Булгакову о смерти Пушкина. Цензурный комитет, рассматривая труд Бантыша-Каменского, постановил «препроводить выписку этого места» к генерал-адъютанту Адлербергу (в то время министру императорского двора), и только после его санкции было дано разрешение на публикацию этой «выписки».²⁴

Очевидно, что Жуковский в свое время такой санкции не получил. По своей воле исключить эпизоды, связанные с царем, он не мог. Конечно же С. Л. Пушкин давал для чтения полученное от него письмо не одному Булгакову. Определенный круг читателей предполагался изначально, еще когда писалось письмо (это подтверждает и его публикация в «Современнике»). Текст мемуарного письма был известен и в литературных, и в светских кругах, и в III отделении, и в царской семье. Самовольное исключение отрывков о царе могло быть понято как неуважение к монарху, и только сам монарх мог потребовать внести изменения в этот текст. Очевидно, что Николай I даже в мертвом Пушкине не захотел видеть «своего» поэта, брать его под свое покровительство.

Что же считал необходимым «разоблачать» Щеголев? «Разоблаченную» подлежали «христианские» и «патриотические» чувства Пушкина «в момент кончины», как их изобразил Жуковский.

Вопрос о «христианских чувствах» Пушкина Щеголев связывает с исповедью и причащением умирающего поэта.

Щеголев уверен, что Пушкин исполнил христианский обряд только под влиянием записки царя: «Несмотря на то что Спасский, Жуковский и Вяземский стараются представить дело так, что Пушкин исповедался по собственному почину, — пишет он, — приходится признать, что обращение к священнику совершенно под воздействием устно через Арендта или письменно выраженной воле государя».²⁵

Сопоставляя данные, идущие от современников, Щеголев «ловит» их на противоречиях в изложении последовательности событий: когда было решено послать за священником, когда была получена записка императора, когда совершился обряд исповеди и причащения.

Из всех свидетельств (Спасского, Жуковского, Тургенева, Данзаса) очевидно, что Пушкин, «следуя совету родных и друзей», согласился исповедаться сразу после того, как узнал от Арендта, что рана его смертельна. Правда, друзья поэта расходятся в показаниях о времени, когда был совершен обряд. Расхождения эти и кажутся Щеголеву доказательством сознательной подтасовки фактов. Спасский и Данзас относят этот эпизод ко времени первого прихода Арендта к Пушкину, до его поездки во дворец

²³ Бантыш-Каменский Д. П. Прибавление к «Словарю достопамятных людей Русской земли». СПб., 1847. С. 92—104.

²⁴ Отрывок из «Журнала СПб. цензурного комитета» за 1846 г. опубликован Ю. Г. Оксманом, см.: Оксман Ю. Г. Апокрифическое письмо императора Николая к Пушкину. С. 69—72.

²⁵ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 168.

и встречи с царем, Жуковский и Тургенев — к 12 часам, когда Арендт второй раз был у Пушкина и привез ему записку от царя.

Спасский и Данзас не выделяют исповедь в отдельный эпизод, а связывают ее с согласием Пушкина исполнить обряд.²⁶ Согласие Пушкина означало для них, что поэт осознал безнадежность своего положения, — этот момент и отмечают они как наиболее значительный и трагичный в истории последних часов Пушкина. Оба они были у Пушкина, когда Арендт приезжал в первый раз, и первыми из друзей поэта узнали его приговор. Далекие от придворных кругов, не посвященные в отношения между монархом и поэтом, они не обратили особого внимания на выраженную в записке Николая I заботу о «спасении души поэта». Неточность их показаний свидетельствует только об одном — христианскому обряду они не придавали того значения, которое вложил в него Щеголев. В пушкинскую пору исповедь и причастие умирающего — дело обычное, житейское (как крещение или венчание); независимо от религиозных чувств Пушкина, он должен был обряд этот исполнить, и только случай повинен в том, что священник пришел после того, как Арендт привез от царя записку с советом «умереть по-христиански». Это случайное совпадение дало основание царю сказать: «Пушкина мы насилу довели до смерти христианской».

Иное дело Жуковский, Тургенев, Вяземский. Для них совет царя был признаком нерасположения, недоверия к Пушкину, упреком в безбожии. Этим объясняется акцент, который поставил Жуковский на религиозных чувствах Пушкина: «Умирающий исповедался и причастился с глубоким чувством». Этим объясняется и скрупулезная точность, с которой он (в отличие от Спасского и Данзаса) описывает события. Сперва (со слов Спасского и, очевидно, Данзаса) он сообщает о принятом решении: «Но вот черта чрезвычайно трогательная. В самый день дуэля, рано поутру, получил он пригласительный билет на погребение Гречева сына. Он вспомнил об этом посреди всех страданий. „Если увидите Греча, — сказал он Спасскому, — поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участие в его потере“. У него спросили: желает ли он исповедаться и причаститься. Он согласился охотно, и положено было призвать священника утром».²⁷ Затем следует рассказ об исполнении обряда в присутствии Арендта, возвратившегося «в полночь» с запиской царя: «В ту же минуту было исполнено угаданное желание государя. Послали за священником в ближнюю церковь. Умирающий исповедался и причастился с глубоким чувством».²⁸ Обряд ускорили для того, чтобы Арендт, уже как очевидец, мог доложить царю, что желание его исполнено. На Арендта как свидетеля исповеди ссылается и Тургенев.²⁹ Присутствие постороннего (не из друзей Пушкина) свидетеля исповеди должно было служить гарантией того, что во враждебных Пушкину кругах не будут муссироваться слухи о его безбожии.

На поставленный Щеголевым вопрос о религиозных чувствах Пушкина можно ответить так: не Жуковский создавал легенду о христианском смирении Пушкина, а Николай I создавал легенду о Пушкине-безбожнике, что в устах монарха было равнозначно бунтовщику.

Теперь о словах благодарности в адрес царя, которые тоже «разоблачает» Щеголев. Здесь текст «Современника» значительно отличается от мемуарного письма. В «Современнике» Пушкин произносит длинную фразу, которая, именно потому, что она длинная, кажется фальшивой. Вот эта фраза: «Скажи государю, что мне жаль умереть; был бы весь его. Скажи, что я желаю ему долгого, долгого царствования, что я ему желаю счастья в его сыне, что я желаю счастья его в счастии России».³⁰ Поскольку эпизод с запиской в статье убран, то Пушкин произносит эти слова в мо-

²⁶ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 330, 335—336.

²⁷ Там же. С. 347.

²⁸ Там же. С. 347—348.

²⁹ См. письмо А. И. Тургенева к А. И. Нефедьевой от 28 января: Пушкин и его современники. СПб., 1908. Вып. 6. С. 47—51.

³⁰ Современник. 1837. Т. 5. С. VIII—IX.

мент прощания с друзьями, т. е. когда умирающий прощается со спутниками своей жизни.

Что же мы видим в мемуарном письме? Там Пушкин обращается к царю со словами благодарности дважды и соответственно длинная фраза делится на две. Первый раз — когда Арендт привез записку от царя с обещанием взять на себя заботу о семье поэта. На вопрос Жуковского, что передать царю, Пушкин говорит: «Скажи ему, что мне жаль умереть, был бы весь его». Второй раз — после того, как Жуковский, побывав во дворце, возвращается к Пушкину. Царь просит передать поэту следующее: «Скажи ему от меня, что я поздравляю его с исполнением христианского долга; о жене же и детях он беспокоиться не должен: они мои».³¹ В ответ на эти слова Пушкин и говорит: «Вот как я утешен! Скажи государю, что я желаю ему долгого, долгого царствования, что я желаю ему счастья в его сыне, что я желаю счастья <его> в счастии России».

Первая фраза подтверждается запиской доктора Спасского. Конечно, нас могут шокировать слова «был бы весь его», но вспомним, что слова эти произносятся в самый экстремальный момент жизни человека, когда человек знает, что он умирает, и одновременно в тот момент, когда он сознает, что с него снята главная земная забота — забота об оставшейся семье. То, что вторая фраза, по-видимому, сочинена Жуковским, Щеголев заметил правильно. У других мемуаристов ее нет. Почему она появилась в письме и в статье Жуковского? Была ли она вызвана стремлением Жуковского создать легенду о благонамеренном христианине Пушкине, полностью преданном своему монарху, как считает Щеголев,³² или же была вызвана какими-то неизбежными обстоятельствами? Нам представляется справедливым второе предположение.

29 января, вечером, Жуковский (тогда еще он не думал о письме, которое потом напишет отцу поэта и которое затем появится в «Современнике») представил Николаю I проект записки о милостях семье Пушкина. Туда он и вписал приведенную фразу: заботясь о семье поэта, он как бы выполнял волю Пушкина. Это была плата за благополучие семьи покойного. Фраза эта появилась в следующем контексте: после пожеланий, касающихся материальных дел семьи и издания сочинений Пушкина в пользу его детей, Жуковский пишет: «К вышесказанному осмеливаюсь прибавить личную просьбу. Вы, государь, уже даровали мне высочайшее счастье быть через вас успокоителем последних минут Карамзина. Мною же передано было от вас последнее радостное слово, услышанное Пушкиным на земле. Вот что он отвечал, подняв руки к небу с каким-то судорожным движением (и что я вчера забыл передать в <ашему> в<еличеству>): как я утешен! Скажи государю, что я желаю ему долгого, долгого царствования, что я желаю ему счастья его в сыне, что я желаю счастья <его> в счастии России. Итак, позвольте мне, государь и в настоящем случае быть изъяснителем вашей монаршей воли и написать ту бумагу, которая должна будет ее выразить для благодарного Отечества и Европы». Дальше шли снова денежные просьбы («Прибавлю еще одно: в доме Пушкина нашлось всего навсего триста рублей <...> не благоволите ли что-нибудь пожаловать на первые домашние нужды?») и просьба не судить строго Данзаса.³³

Итак, помимо денежных просьб, Жуковский напоминает царю о «бумаге», которую он составил после смерти Карамзина. Назначение пенсии Карамзину сопровождалось специальным царским рескриптом, в котором утверждалось национальное и государственное значение деятельности историкографа. Составить и опубликовать аналогичный указ о Пушкине царь отказался. Широко известен его ответ Жуковскому, который приводит А. И. Тургенев в письме к А. И. Нефедьевой: «Ты видишь, что я делаю все, что можно для Пушкина и для семейства его, и на все согласен, но в одном только не могу согласиться с тобою: это — в том, чтобы ты

³¹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 349—350.

³² Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 165—168.

³³ Там же. С. 221—222.

написал указы, как о Карамзине. Есть разница: ты видишь, что мы насилу довели его до смерти христианской <...> а Карамзин умирал как ангел». ³⁴ Так Николай I выразил нежелание сообщать своим «милостям» семье Пушкина значение государственного акта и придал им характер личного благодеяния. Благочестивости Пушкина царь не верил. Надо думать, не забыл он и эпизод с «Гавриилиадой», разыгравшийся в 1828 г. Пушкин для него был автором «кошунственной» поэмы.

Уловка Жуковского убедить царя, что он «забыл» передать ему пушкинские слова, не удалась, а скорее раздражила его — отсюда и убеждение, что если бы не он, царь, то Пушкин умер бы без исповеди, как нехрист и бунтовщик.

Однако написанные Жуковским однажды слова неизбежно должны были войти и в следующие документы — в публикацию в «Современнике» и в письмо, не предназначенное для печати. Таким образом, повторился случай с секундантством Данзаса, когда свидетельство выдуманное, вынужденное обстоятельствами, обрело силу документа.

Сама по себе эта, составленная Жуковским, фраза весьма характерна — отличается большим тактом и полна глубокого достоинства. Слова царя (в записке и еще раз переданные Пушкину через Жуковского) и слова Пушкина расположены в одной смысловой плоскости. Царь обещает поэту позаботиться о его семье, поэт отвечает тем же — желает счастья царю в его сыне. Но поэт — частное лицо, и его дети — это только его дети. Император же — «отец» не только своего сына, но и подданных. Ответ Пушкина, как его составил Жуковский, не просто полон достоинства, но и согласуется с бытующим в России этикетом.

Эту же этикетную формулу (царь — наш отец, а подданные его дети) мы находим и в письмах самого Пушкина, адресованных Бенкендорфу, но писавшихся для царя. Пушкин не раз пишет об «отеческой» доброте государя. Вот, например, отрывок из одного его письма 1834 г. к Бенкендорфу (письмо связано с прошением об отставке): «Крайне огорчен я, что необдуманное прощение мое <...> могло показаться безумной неблагодарностью и супротивлением воле того, кто доньше был более моим благодетелем, нежели государем. Буду ждать решения участи моей, но ничто не изменит чувства глубокой преданности моей к царю и сыновней благодарности за прежние милости» (XV, 174).

Царь недоволен поступком поэта, и поэт спешит засвидетельствовать свое сыновнее отношение к монарху. Письмо Жуковского — отражение такой же ситуации: царь недоволен Пушкиным (теперь уже мертвым), и Жуковский заверяет царя в сыновних чувствах Пушкина и напоминает царю о его отеческих. если не чувствах, то обязанностях. Т. е. и Пушкин в свое время, и Жуковский теперь в письме, рассчитанном уже на широкий круг читателей (насколько можно говорить о широком круге читателей в пушкинское время), действуют в соответствии с бытующим в самодержавной России порядком.

Акцент, поставленный Жуковским на религиозных чувствах Пушкина, и адресованные царю слова, которые он был вынужден приписать Пушкину, заслонили для исследователей весь смысл письма Жуковского, все, ради чего оно было написано и напечатано.

В атмосфере журнальной травли, которая сопутствовала Пушкину последние годы, в атмосфере слухов, которые в конечном счете привели поэта к гибели, письмо Жуковского к С. Л. Пушкину в «Современнике» было единственной чистой нотой, которую могла слышать читающая публика. Журналы твердили, что Пушкин как писатель кончился. Жуковский называет его национальным гением. «В одну минуту, — пишет он, — погибла сильная, крепкая жизнь, полная гения, светлая надеждами. Россия лишилась своего национального поэта <...> У кого из русских с сей смертью не оторвалось что-то родное». ³⁵

³⁴ Пушкин и его современники. Вып. 6. С. 65—66 (письмо от 1 февраля).

³⁵ Современник. 1837. Т. 5. С. III.

Письмо Жуковского содержит и первые в печати обличения светского общества, равнодушного к гибели великого поэта. «Там, где он бывал ежедневно, ничто не переменилось, нет и признаков бедственной утраты, все в обыкновенном порядке, все на своем месте, а он пропал, и навсегда — непостижимо», — заключает Жуковский.³⁶ В письме впервые прозвучали слова о мировом значении Пушкина: «Пушкин по своему гению был собственностью не одной России, но и целой Европы».³⁷

Совершенно очевидно, что первая часть письма — характеристика Пушкина как национального гения — не могла появиться в печати без второй, где следовало сказать, что гений этот был человеком религиозным и преданным своему монарху.

Письмо к отцу поэта датировано 15 февраля. 7 февраля уже начался «посмертный обыск» бумаг Пушкина.³⁸ Жуковский уже слышал слова царя: «Пушкина мы насилу заставили умереть христианином» — и знал, что это ложь, что Пушкин сразу, по желанию родных, согласился на выполнение предсмертного обряда. Жуковский знал, что он сам обманут царем. Царь обещал, что бумаги поэта Жуковский будет разбирать один, и нарушил слово: бумаги просматривались вместе с жандармским офицером, помощником Бенкендорфа, генералом Дубельтом. Изменение порядка просмотра бумаг свидетельствовало о недоверии к самому Жуковскому, а разбор бумаг превратился в политический сыск.

20 февраля через руки Жуковского прошли письма Бенкендорфа к Пушкину. Эти письма заставили его по-новому взглянуть на всю жизнь Пушкина — ему открылось все унижение, которое испытывал поднадзорный поэт: мелочная опека, придирки, выговоры, правоучения. И тогда Жуковский пишет еще одно письмо, адресованное Бенкендорфу. Это удивительный документ — по гражданскому пафосу, по человеческой отваге.

Приведу выписку из этого письма, из той его части, которая касается надзора над Пушкиным: «Вы на своем месте не могли следовать за тем, что делалось внутри души его. Но подумайте сами, каково было бы вам, когда бы вы в зрелых летах были обременены такою сетью, видели каждый шаг ваш истолкованный предубеждением, не имели возможности произвольно переменить место без навлечения на себя подозрения или укора. В ваших письмах нахожу выговоры за то, что Пушкин поехал в Москву, что Пушкин поехал в Арзрум. Да какое же это преступление! Наконец в одном из ваших писем нахожу выговор за то, что Пушкин в некоторых обществах читал свою трагедию, прежде нежели она была одобрена. Да какое же это преступление? Каково же было положение Пушкина под гнетом подобных запрещений?».³⁹

Эта цитата не нуждается в комментариях. Обвинения, высказанные в письме к шефу жандармов, задевали несомненно и Николая I. Так смело говорили с царем только декабристы. Как обращение к царю понимали это письмо и друзья Жуковского. В дневнике А. И. Тургенева 8 марта 1837 г. записано: «Жуковский читал нам свое письмо к Бенкендорфу о поведении с ним государя и жандармства, и он закатал Бенкендорфу, что Пушкин погиб оттого, что его не пустили ни в чужие края, ни в деревню, где бы ни он, ни жена его не встретили Дантеса. Советовал ему не посылать этого письма в этом виде».⁴⁰

Последовал ли Жуковский совету Тургенева? Щеголев считал, что «вероятнее, пожалуй» последовал. При этом он ссылается на архив III отделения. «И 1917 год, — пишет он, — открывший нам несколько самых секретных документов к истории дуэли, не открыл никаких следов этой записки Жуковского в архивах III отделения».⁴¹ На экземпляре книги

³⁶ Там же. С. II.

³⁷ Там же. С. XII.

³⁸ См.: *Дяловский М. А.* «Посмертный обыск» у Пушкина. С. 273—334.

³⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 359, 361.

⁴⁰ Там же. С. 503.

⁴¹ *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. С. 235.

Щеголева, хранящемся в Пушкинском Доме. к этому месту рукой Н. В. Измайлова сделано следующее примечание: «Естественно: Бенкендорфу выгоднее было не оставлять ее в делах III отделения, где ее могли прочитать чиновники».

Мы полностью согласны с мнением Н. В. Измайлова. Это мнение подтверждается и конспективными заметками Жуковского. В конце февраля—начале марта он записал: «Я читал мое письмо тоже и на днях». Несомненно речь идет о письме к Бенкендорфу.⁴² Это подтверждает приведенная запись в дневнике Тургенева. Слово «тоже» и «на днях» свидетельствуют, что письмо читалось не один раз, а несколько. И если даже оно и не было отослано, то содержание его могло быть известно в III отделении. В дни после смерти Пушкина правительство особенно пристально следило за действиями его друзей.⁴³

Мемуарное письмо, как справедливо пишет исследователь, «ставило Пушкина — символ современной литературы под эгиду имени Николая I»; Жуковский добивался официального признания Пушкина, что «означало бы признание литературы как формы деятельности, возвращения ее на уровень общегосударственного, общенационального дела».⁴⁴ Однако в процессе переработки письма в статью просветительская идея единения поэта и монарха была осознана Жуковским как несостоятельная. Действия монарха разрушили иллюзию. Мемуарное письмо Жуковского — последняя дань идее просвещенного абсолютизма. Оно перерабатывалось для «Современника» после того, как Жуковский написал свое письмо шефу жандармов, когда он раскрыл для себя сущность жизненной трагедии Пушкина, осознал, как «отеческие заботы» царя отравляли его жизнь. Можно предположить, что запрет печатать эпизод с царем Жуковский принял с облегчением.

Свидетельство этого — процесс работы над письмом к Бенкендорфу. Оно известно в двух черновых редакциях. В первом черновике имеется абзац, который по содержанию можно сопоставить с мемуарным письмом. Жуковский вспоминает здесь, как царь вернул Пушкина из ссылки. Сравним эти два отрывка.

Мемуарное письмо: «И между всеми русскими особенную потерю сделал в нем сам государь. При начале своего царствования он его себе присвоил; он отворил руки ему в то время, когда он был раздражен несчастием, им самим на себя навлеченным; он следил за ним до последнего его часа; бывали минуты, в которые, как буйный, еще не остепенившийся ребенок, он навлекал на себя неудовольствие своего хранителя, но во всех изъявлениях неудовольствия со стороны государя было что-то нежное, отеческое. После каждого такого случая связь между ими усиливалась: в одном — чувство испытанного им наслаждения простить, в другом — живым движением благодарности, которая более и более проникала душу Пушкина и наконец слилась в ней с поэзиею».⁴⁵

Письмо к Бенкендорфу (первая редакция): «Пушкин — потеря для целой России; он погиб в цвете лет жизни, имел гений, каких не много и какие рождаются редко. Этот гений только что пришел в силу; благодаря государю, которого [доверенность] отеческие заботы [и милости] подняли [душу] его из-под гнета судьбы (им самим на себя навлеченным), примирили с прошедшим, и наконец привели бы в порядок и душу его и жизнь, он произвел бы со временем много истинно превосходного и сделался бы славною принадлежностью [его времени] славного времени своего царя и благодетеля».⁴⁶

Из письма к Бенкендорфу Жуковский убирает все, что могло бы свидетельствовать о духовной близости поэта и царя. Уверения в «неж-

⁴² Соображения о датировке этого письма см.: *Левкович Я. Л.* Заметки Жуковского о гибели Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии.* 1972. Л., 1974. С. 82.

⁴³ См.: *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. С. 234—236.

⁴⁴ *Вацууро В. Э.* Пушкин в сознании современников. С. 33.

⁴⁵ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 342.

⁴⁶ *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. С. 240.

ности» царя «во всех изъявлениях неудовольствия» по отношению к Пушкину, в том, что «связь» между поэтом и царем постоянно «усиливалась», теперь были бы кошунственными, а слова: «он <царь> следил за ним до последнего его часа» — приобретали смысл, противоположный тому, который первоначально вкладывал в него Жуковский. «Неудовольствие» государя обернулось для Пушкина слежкой, тайным надзором, мелочными придирками, препонами творческой свободе. Вместо слов: «Между всеми русскими особенную потерю сделал в нем сам государь» — появляется: «Пушкин — потеря для целой России». Гибель поэта подается как национальное бедствие, а деятельность его измеряется масштабом эпохи («славного времени»). Уходит из текста и все касающееся мнимых, как видит теперь Жуковский, провинностей Пушкина — следствие его «буйного», «ребяческого» непослушания. Даже на ссылку Пушкина Жуковский смотрит иначе: «несчастье, им самим на себя навлеченное» представлено теперь как «гнет судьбы». В письме звучит и укор царю, который был властен «привести в порядок и душу, и жизнь» Пушкина (т. е. предотвратить дуэль и позволить Пушкину жить по своему хотению) и не сделал этого, и потому Пушкин уже не произведет ничего «истинно превосходного».

Особенно трудно даются Жуковскому слова о царских «милостях». Говоря о возвращении поэта из ссылки, он с трудом подбирает слова: пишет «благодаря государю, которого доверенность», зачеркивает «доверенность» (какая же доверенность может быть к поднадзорному поэту), пишет «отеческие заботы и милости», зачеркивает «милости» (ведь именно «милости» царские приковывали поэта ко двору и, пусть косвенно, привели его к гибели) и оставляет только этикетное «отеческие заботы».

Весь этот абзац (особенно в сравнении с мемуарным письмом) звучит упреком царю, и Жуковский убирает его из второго черновика, т. е. делает свое письмо более приемлемым для отсылки адресату. Во втором черновике в гибели поэта прямо обвиняется только Бенкендорф. Однако процесс переработки письма свидетельствует о прозрении Жуковского. Его конспективные заметки заканчиваются словами: «Только в семье своей убежище»; эти слова могут быть поняты как горестное воспоминание о Пушкине (у самого Жуковского семьи не было) и как сознание своей неправоты. Спасая Пушкина от царской опалы, Жуковский в 1834 г. уговаривал его взять обратно прошение об отставке — теперь он понял, что это было ошибкой. Надежным убежищем для поэта могла быть только семья, покой, «обитель дальняя трудов и чистых нег».

Поняв это, Жуковский не стал молчать, а написал шефу жандармов письмо, которое А. Н. Веселовский считал «свидетельством того, что Жуковский был способен на гражданский подвиг».⁴⁷

⁴⁷ *Веселовский А. Н. Поэзия чувства и «сердечного воображения».* СПб., 1904. С. 365. В книге Веселовского впервые опубликованы отрывки из этого письма.



А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПУШКИН

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ



СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ



ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989